

САМИЗДАТ ВЕКА: АНДРЕЙ СЕРГЕЕВ

1996 N18

2. ГРУППА ЧЕРТКОВА
2.3. АНДРЕЙ СЕРГЕЕВ

С самим Андреем Сергеевым я познакомился тогда же - в середине пятидесятых, когда впервые поднялся в "мансарду" Галки Андреевой. Стриженный ежиком, в очках, сейчас мне так кажется, он произвел на меня сильное впечатление: он был похож на Тынянова и Тютчева, вместе взятых. И если очков не носил, то все рано как бы носил их. Он читал мне стихи - свои и чужие. Но потрясен я был его переводом из Джойса "Баллады об ухвертке". "Это повесть о гнусном, жирном, о деянии под-

заборном... И о том, как осмеян порок - нос между ног" и т.д. Что касается меня, то эти стихи явились еще одним толчком в направлении моих "Голосов". Я увидел, что можно писать, свободно сочетая образы - сдвигами. Я услышал эту шутовскую интонацию, главное, современную и своевременную для меня. Еще хотелось бы упомянуть, что несмотря на то, что Андрей Сергеев довольно рано стал печатать свои стихотворные переводы, эта баллада долго не могла попасть в печать, думаю, по своей особенной новизне и вольности.

Я не знал, что на "мансарде" к тому времени уже читали и заучивали обернутов. Их приносил Леня Чертков из библиотеки, би-

серным почерком записывая тексты на обороте библиотечных требований. Я не знал, что Сергеев ходит к одиноко живущему Заболоцкому и приносит ему его ранние варианты, например, "Поэмы земледелия", которые автор с удовольствием перечитывал, но тут же прятал в ящик стола и запирает на ключ. Но я чувствовал, что Андрей, этот не по возрасту солидный крепыш, обладает новой для меня информацией. И невольно испытывал к нему уважение. Вообще в этой группе все были ходячие самиздаты и декламировали на ходу, поскольку в Москве мы все тогда бродили по улицам и бульварам и читали стихи.

ГЕНРИХ САПГИР

Ш В А Р Ц
Часть I. МЕТТЕРНИХ

1.
Поди сюда, поди сюда,
смутьян!
Я не кусаюсь, а - глаза в
растрате.
Австриец, младочех и
басурман
Передо мной сошлись в
одном дитяте;
Перед тобой - отживший
интриган
На солнце дрогнет в
ваточном халате.
Я - призрак дел, ты -
испаренье книг,
Но все ж, немецкий -
общий наш язык.

2.
Идеалист, послушай
лицемера:
Ты все в Европе проклял
наперед -
Но это старомоднее
Вольтера!
Ты пробуждаешь к жизни
свой народ -
Опять ветхозаветная
химера!
Потом народ пускаешь в
оборот,
Дуришь его дурманом
мессианства
И топишь в гуртовом котле
славянства.

3.
А что славянство? Далеко
зашло?
В холодную, на царские
полати.
- Меж тем у нас привольно
и тепло:
Когда страна - заплата на
заплате,
Мундир не душит, и,
срывая зло,
На братьев-немцев можно
срать в Рейхсрате.
Ну, как же тут не
подрывать основ?
Прости, я для тебя не
слишком нов?

4.
Теперь, шаблоны
школьные отбросив,
Взгляни на мир со
всех шести сторон:
О диво!

Недалекий Франц-Иосиф
Куда мудрей, чем сам
Наполеон -
В полях сраженья не багрят
колосьев,
Дунай гудит под Брамсов
камертон,
Избыток чувств клокочет
оперетта...
Да, трудно жить в спокойный
век расцвета.

5.
Вооружись подзорною трубой -
И вот Европы скифская изнанка:
На Вацлавском мосту ко мне
спиной
Среди сокольских спин твой
ментор Ганка
В обвислой шляпе, с чинною
удой
И рядом, как у всех, ведро и
банка,
Хотя он ловит души, а не рыб,
И ветер нам доносит жаркий
хрип:

6.
"...поручкой древний Краледвор.
Не много ль
Мы Габсбургов терпели
произвол?
Пусть разум в сущем
обнаружит Гегель!
И что за имя - истинный козел.
Другое дело - полнозвучный
Гоголь!
Он вывел русский паровой
котел,
Он сочинил чугунную дорогу.
Кто храбрый - гей в Россию на
подмогу!"

7.
Верь, верь ему, фантазии
купай
В разлитии национальной
скверны.
На скверну ты ответишь:
"Маха, Май".
Но слов красоты краю
соразмерны -
Дашь маху, колихватишь
через край.
Зачем отец твой, урожденный
Черны,
Славянский, как и ты,
провинциал,
Стал Шварцем и Европой
забрязал?

8.
Затем, что мать истории Европа
-
Столица чести, чувства и ума.
В дерьме ж ее гнездится род
микроба -
Спасительная русская чума.
Спасители не крышей, крышкой
гроба
Покроют возводимые дома
И вместе с нами в них умрут.
Ответствуй:
Того ли для тебя хотел отец
твой?

9.
Герр Шварц! Он был
достоинства пример.
А ты схватился за бродяжий
посох.
Ну, что же, каждый врем на
свой манер;
Но я, старик из кресла на
колесах,
Скажу: Москва бранится
словом "херр",
Затем что у скуластых и
раскосых
Достоинство не ставится ни в
грош...
Ступай! Еще в герои попадешь.

Комментарии к ч. 1:
Октава 1. Но все ж, немецкий -
общий наш язык - Боборыкин
в мемуарах описывает
панславистский съезд в Чехии,
где делегаты изъяснялись между
собой на общеславянском, т.е.
немецком языке.

Октава 3. Когда страна -
заплата на заплате Австро-
Венгрия называли лоскутной
империей.

Октава 5. Среди сокольских
спин твой ментор Ганка
"Сокол" - гимнастическая и
национальная организация в
Чехии, основана в 1863 г. Вацлав
Ганка - чешский русофил.

Октава 6. Поручкой древний
Краледвор "Краледворская
рукопись" - фальсификация
Ганки, выдававшего ее за
памятник древнечешской
словесности.

Он (Гоголь - А.С.) вывел
русский паровой котел, он
сочинил чугунную дорогу. "В
обожании сына Мария Ивановна
(мать Гоголя - А.С.) доходила до
Геркулесовых столбов,
приписывая ему все новейшие

изобретения (пароходы,
железные дороги)" ...
(Данилевский).

Октава 7. - На скверну ты
ответишь: "Маха, Май". - см.
ниже.

Часть II. ПУТЕШЕСТВИЕ

1.
В Россию путь - на русском
колесе.
Сокольский хор отгрохал
"Гей, славяне",
Момент - и в приграничной
полосе
Богемской сталью кованые
сани
Кресалят по рокадному
шоссе,
И с гор бегут гуцульские
крестьяне,
Чтоб искру драгоценную в
горсти
Домой, до черной печки
донести.

2.
Во время оно кельты, карпы,
даки
Здесь разжигали жизнь, и ей
в ответ
Вопили жертвы, плакали
собаки;
Но постепенно все свелось на
нет.
Идет гуцул. Душа его во
мраке
От перебитых зря двух тысяч
лет.
Он шляпу снимет, с добрым
днем поздравит
И добрый день до вечера
отравит.

3.
Сыреет в яме Лемберг, он
же Львов,
От жалоб украинских
самостигов:
Шинки рыдают о правах
батьков -
Их, только их первоначальный
Киев,
А москали пошли от комяков
И превратились в новый бич
батыев
И тем страшней, что для царя
хохол
Иуда Гоголь порох изобрел.